

так широко опереться на народную поэзию прежде всего потому, что в ней они слышали отклик на волновавшие их темы. Сохранившиеся песни о Горе свидетельствуют об этом неопровержимо. Но ограничивался ли песнями о Горе круг произведений XVII века, которыми народная поэзия по-своему откликалась на жизненные вопросы, волновавшие все общество? Не естественнее ли предположить, что этот круг был значительно шире? И если это так, то не сохранились ли в поздних записях песни, сложившиеся в одно время с социально-бытовыми повестями второй половины XVII века и перекликавшиеся с ними внутренне, идейно-тематически?

Поиски ответа на поставленные вопросы привели к песне, известной в науке под названием «Добрый молодец и река Смородина». Специальному исследованию эта песня никогда не подвергалась. Ф. И. Буслаев попутно коснулся однажды ее содержания, истолковав сюжет в мифологическом духе.¹ В ряду песен, связанных с мифологическими представлениями, называет этот сюжет и Н. П. Андреев.² Однако уже П. Бессонов и В. Варенцов глухо указывали на связь песни о добром молодце и реке Смородине с «Повестью о Горе-Злочастии» и с песнями о Горе.³ Бессонов же связывал содержание песни с петровским временем, не обосновывая, впрочем, этого никакими аргументами.

Песня «Добрый молодец и река Смородина» редкая. До сих пор она опубликована в шести записях: в трех северных, двух волжских и одной сибирской.⁴ Волжские варианты явно неполные и, самое главное, никак не раскрывают смысла песенного конфликта. Северные записи дают, надо думать, вторичную версию сюжета; в них более поздний конфликт заслонил первоначальную, ставшую уже непонятной для певцов коллизию. Особый интерес представляет сибирский текст из «Сборника Кирши Данилова». Дело не только в том, что он наиболее полон и художественно выдержан; именно в нем вполне сохранился исконный народный замысел песни. Вариант этот особенно важен для нас и ввиду ранней его записи.

Сюжет песни с полным правом можно назвать уникальным. Особенно это относится к первой ее части. Подобного сюжета русская народная поэзия больше не знает. Это наводит на мысль, что настоящая песня сложилась в определенных социально-исторических условиях, обобщила раздумья народа над кругом жизненных явлений, типичных для одной эпохи.

Песня начинается описанием счастливой, благополучной жизни некоего доброго молодца: он преуспевает по службе, он пользуется всеобщим расположением и любовью.

Когда было молодцу
Пора, время великое,

¹ Ф. Буслаев. Местные сказания владимирские, московские и новгородские. (Две лекции из курса истории русской литературы). «Летописи русской литературы и древности», IV, М., 1862, отд. 1, стр. 15—16.

² Русская баллада. Л., 1936, стр. XXI.

³ В. Варенцов. Сборник русских духовных стихов. СПб., 1860, стр. 130. — Песни, собранные П. В. Киреевским, вып. 7. М., 1868, Приложения, стр. 77.

⁴ Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, II. М., 1910, № 186. — А. Ф. Гильфердинг. Онежские былины, III. Л., 1951, № 262. — Песни, собранные П. В. Киреевским, вып. 8. М., 1870, стр. 3—5, 5—8. — Онежские былины. Летописи Гос. Литературного музея, кн. 13, М., 1948, № 221. — Сборник Кирши Данилова. СПб., 1901, стр. 124—126.